

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

Брата похоронят в Павловске, и агент III Отделения, отметив малолюдность церемонии, добавит, что «надгробной речи никто не говорил». Так секретный надзор, учрежденный в 1849 г., сопровождает тишайшего Михаила Михайловича до могилы.¹²

Вдова с немецким акцентом

«Сколько я потерял с ним, не буду говорить тебе, – пишет Достоевский брату Андрею, – этот человек любил меня больше всего на свете. Даже больше жены и детей, которых он обожал». Что касается жены, Эмилии Федоровны (кстати, происхождение отчества туманно: отца, как выясняется из метрического свидетельства, звали Дитрих-Иоганн), Михаил Михайлович вступил с нею в брак, преодолев легкое сопротивление обеих семей. Во-первых, московских Куманиных, недовольных слишком ранними матримониальными намерениями племянника, а во-вторых, и ревельских Дитмаров, смущаемых разницей вероисповеданий. Так в род Достоевских замешалась не наблюдаемая прежде немецкая кровь. Правда, Мих-Мих *восстановит баланс*, заведя ребенка на стороне – от Прасковьи Петровны Аникиевой, чье простое русское имя не вызывает как будто никаких подозрений. Об этой связи, разумеется, знал Достоевский, чей «подпольный» роман с А.П. Суловой протекает при молчаливом доброжелательстве брата, не очень жалующего его законную жену. Знает он и о наличии у брата внебрачного сына Вани; относится к нему приязненно и по смерти брата – не забывает. В письме к пасынку Паше Исаеву из Дрездена (1867) он наставляет: «Главное, справься, где Ваня! Хорошенько справься!». Через того же Пашу пересылаются деньги для Прасковьи Петровны. «Кланяйся и целуй Ваню», – пишет он пасынку в другом письме.

Надо полагать, эти родственные приветы не очень нравились Анне Григорьевне, в глазах которой даже официальное семейство Михаила Михайловича выглядело обузой. В мужниных *нахлебниках* она усматривала угрозу скромному бюджету ее собственной семьи. Стенографический дневник Анны Григорьевны за 1867 г., который молодая спутница Достоевского вела за границей, содержит с трудом поддающуюся расшифровке запись о каком-то письме «от Прасковьи» (т.е. от П.П. Аникиевой), которое Анна Григорьевна с негодованием «изорвала».

Для детей Михаила Михайловича наличие сводного брата вовсе не являлось секретом – во всяком случае, в их зрелую пору. «Остаюсь твоим братом», – заканчивает *законный* сын Федя свое письмо «голубчику Ване». Он просит адресоваться к нему «как к Ф.М. Дост<оевскому>-второму, а то может попасть в руки дяде». Дядя у обоих корреспондентов был общий.

Впрочем, следы Аникиевых теряются – и мы не знаем, продлилась ли эта ветвь рода.

Но вернемся к законной супруге. При жизни брата Достоевский никогда не забывает передать ей поклон. После его смерти, как может, поддерживает вдову. Находясь за границей, требует от Паши Исаева, живущего в семье покойного Михаила Михайловича, чтобы пасынок не оказался бы «как-нибудь в тягость Эмилии Федоровне и не наделал бы ей каких-нибудь неприятностей», а, напротив, был бы с ней почтителен и добр. Пишет он из Женевы и самой вдове: «...Не проходило дня, чтобы я об вас обо

12. Могила, кстати, утрачена. Существует, правда, сохраненное В.С. Нечаевой указание дочери: «идти по тропинке до аллеи параллельно храму, направо сейчас же могила вторая, рядом Кашин. Чугунный крест». Поиски, предпринятые в последние годы, пока не принесли результатов.